

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я
БЕРЕМЕННА
профессор!
Амелия Борн

Амелия Борн

Я беременна, профессор!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67419960

SelfPub; 2022

Аннотация

Придя на прием к профессору Поклонскому, в которого влюблена последние два года, я даже представить не могла, что череда чужих ошибок приведет к тому, что вскоре я должна буду стать мамой. Но самым удивительным оказалось то, что теперь я вынашиваю точную копию Поклонского, его клона. Ведь, как оказалось, профессор тот еще экспериментатор, и теперь у нас с ним есть одна тайна на двоих. Что ж... разберемся, во что я вляпалась и что теперь с этим делать!

Содержит нецензурную брань.

Амелия Борн

Я беременна, профессор!

– Иванова! Даша! Давай к нам!

Мне помахали две подруги, к которым я и стала пробираться между столиков набитого под завязку кафе. Студент – он всегда голоден, даже если поел пару часов назад.

– Уф! Я думала, что все – есть мне теперь стоя.

Плюхнув поднос с едой на свободное место стола, я перевела дух и взялась за салат. Времени между парами было впритык – перекусить и снова за знаниями.

– А я сегодня с Поклонским твоим столкнулась, – захихикала Таня, чем заслужила мой недовольный взгляд. Наверное, снова будет над ним потешаться. – Такой идет, бормочет что-то себе под нос.

– Таким он Дашке кажется еще более сексуальным, – вступилась за честь профессора Люда. – Да и сдавать ему предмет несложно, когда он весь в образе.

– Ну, хватит, девочки! Альберт Венедиктович не заслуживает, чтобы говорить о нем в таком тоне.

– Молчу! – Таня сделала вид, что закрывает рот на замок. – А, кстати, вот и Поклонский.

Эти слова она произнесла тихим голосом, но даже этого мне хватило, чтобы сделать то, что обычно я делала, когда профессор появлялся в поле зрения – сначала покраснеть,

потом вытянуть шею, чтобы увидеть Поклонского хоть одним глазком.

Он, как всегда, прошел к своему столу, который никто никогда не занимал, потому что знали, что за ним сидит Альберт Венедиктович.

– А все же он секси! – выдала Люда. – Не зря наша Дашка в него с первого курса втюрилась.

– Секси еще какой! Я тебе говорила. Да, своеобразный, но в сексуальности ему не откажешь.

Пока девочки обсуждали Поклонского в миллионный раз, я занималась тем, что уже вошло в привычку – смотрела на профессора, но осторожно, чтобы никто ничего не заподозрил. Хотя, очень сомневалась в том, что о моей в него влюбленности не знает половина университета.

– Ладно, Иванова, пошли на лекции. А то Филонов опять будет посягать на твое место! – скомандовала Таня и мы вышли из кафе.

В Поклонского я влюбилась сразу же, как только он вошел в аудиторию в первый раз, выронив при этом портфель, и окинул студентов взглядом. Его глаза остановились на мне (или я себе это придумала, сейчас уже не было важным), и я пропала. Серо-голубой взгляд, такой, от которого мурашки по спине побежали. Я знала, что мне ничего не светит с Поклонским, и виной тому были совсем не отношения студентка-профессор, которых избегали все уважающие себя люди.

Просто он был таким... как будто из другого мира. Весь в науке, в самом себе...

А как он читал лекции! Даже если бы я была слепой, я бы тоже влюбилась в него без оглядки. Какой у Поклонского был голос! А погружение в науку! Мне потом долго еще казалось, что в мире только и существует важного, что акушерство с гинекологией и репродуктологией впридачу. Да, Поклонский умел влюбить – и в предмет, и в себя.

Альберт Венедиктович вошел в аудиторию ровно в тот момент, когда началась лекция. Я сосредоточила все свое внимание на нем. Глазеть на него вот так, совершенно оправданно, было особенным удовольствием.

– Тема сегодняшней лекции...

Поклонский оперся одной рукой на кафедру, а второй потер подбородок. Этот его жест был мне тоже очень знаком.

И все. Ничего не осталось кругом. Я была вся в том, что рассказывал Альберт Венедиктович. Смотрела на то, как шевелятся его полные губы, которые мне снились в весьма нецеломудренных снах. Обволакивалась его голосом... ровно до тех пор, пока Филонов вдруг не выдал:

– Альберт Венедиктович. А существует женский шовинизм?

Чтооооо? Откуда он вообще взялся со своими дурацкими вопросами? Речь ведь шла о женском организме, а никак не о шовинизме!

Поклонский поправил очки и воззрился на Филонова.

Мне так и хотелось поинтересоваться у последнего, насколько тот хорошо прочистил уши утром.

– Я не совсем понимаю, к чему ваш вопрос, – тихо ответил Поклонский и уже собрался было продолжать, когда Фионов вылез снова.

– Вы так рассуждаете о женщинах, как будто они – вершина мироздания.

Фионов усмехнулся и огляделся в поисках поддержки. Парочка его друзей издали звук, похожий на приглушенный гогот.

– А вы так не считаете, Фионов?

– Я так не считаю. Без мужчин женщины бы не выжили. Это очевидный факт.

– И наоборот тоже!

Мамочки, неужели этот голос принадлежит мне? Зачем я вообще вступила в этот диспут?

– И наоборот тоже, вы правы, Иванова, – ободряюще кивнул мне Поклонский.

– Хотя, я много думала об этом тоже. – Обращение профессора напрямую ко мне придало сил и уверенности. – Вот взять хотя бы современную науку. Например, клонирование уже давно исследуется и даже достигло определенных успехов. Женщины ведь могут вынашивать клонов и таким образом выживут, если вдруг мужчины исчезнут.

Конечно, этого бы мне очень не хотелось. Представить, что профессор перестанет существовать как вид...

– О! Кто-то пересмотрел сериалов!

Филонов поднялся и исполнил короткий танец живота, но Поклонский его не одернул. Он смотрел на меня.

– Вы интересуетесь клонированием, Дарья? – спросил он тихо.

– Она интересуется вами!

Сволочь Филонов! Я покраснела, профессор кашлянул. Убить бы этого выскочку с третьей парты и закопать поглубже! И меня ведь оправдают.

– Интересуюсь, – ответила я хриплым голосом. – Например, клонирование органов распространенная мировая практика, которая спасла сотни жизней. Хотя, я сомневаюсь, что наука всесильна. Вот Филонову бы точно не помог новый мозг.

Аудиторию огласил взрыв хохота, на красивых губах Альберта Венедиктовича появилась улыбка. Люда толкнула меня плечом, видимо, высказывая этим свое одобрение. Но насладиться тем, что профессор обратил на меня внимание, мне не удалось. Лекция завершилась и студенты потянулись к выходу из аудитории.

А я шла в числе последних и чувствовала на себе пристальный взгляд Поклонского. Неужели для того, чтобы стать для него хоть немного интересной, нужно было всего лишь блеснуть общеизвестными познаниями?

Чудеса!

– Мне кажется, ты с ним слишком... ну не знаю, скромная, что ли, – высказала свое мнение Люда, когда мы уселись вечером в баре.

Алкоголь я употребляла не слишком часто, и когда это все же происходило, старалась пить по минимуму. Вот и сейчас взяла себе бокал белого вина под порцию кальмаров в кляре.

– Ты считаешь, что я должна напрыгнуть на профессора и заявить ему, что я готова на все? – вскинула я бровь.

– Совсем необязательно! – вступила в разговор Таня. – Достаточно просто с ним пофлиртовать.

– На лекциях?

– Зачем на лекциях? После!

Я отпила глоток вина и представила, как флиртую с Поклонским. Мамочки! Да Таня, должно быть, шутила, если считала, что я буду способна выдавить из себя хоть слово, оставшись наедине с Альбертом Венедиктовичем. Он ведь был такой... погруженный в себя и в науку. Но это было мне даже на руку – миллион девиц, крутившихся возле него, уж точно ничего бы не получили. И я в их числе. Мда, досадно.

– Венику точно понравится, если ты заговоришь с ним о науке, – со знанием дела выступила Люда.

– Перестань называть его так! – огрызнулась я. Терпеть не могла, когда кто бы то ни было отзывался о профессоре в таком ключе.

– Молчу я! Но и ты пойми – мы предлагаем это только на благо тебе.

Предлагают они... Я вздохнула и отпила еще глоток вина. То, что действовало на других мужчин, совсем не срабатывало с Поклонским. Хотя, надо было признаться самой себе – я толком не попробовала ни одного метода обольщения.

– Хорошо, я поняла, – согласилась я с подругами, допивая вино. – Останусь после лекций и заговорю с ним о науке.

– Прямо завтра, – воодушевилась Таня.

– Прямо после лекции! – поддержала ее Люда.

– Ему не до этого, когда он заканчивает читать лекции! – вступилась я за профессора. На деле же просто жутко боялась того, на что толкали меня подруги.

– Зря ты так думаешь! Вон как подхватил сегодня твое выступление на тему клонирования! – Таня подалась ко мне и зашептала: – Я тебе говорю, он помешан на науке. По нему же видно! Развей эту тему и он твой!

Я посмотрела на подругу скептически. Что-то очень сомневалась в том, что Поклонский испытывает мужской интерес к каждой, кто заговаривает с ним о вероятности вырастить органы искусственным образом. Но чем черт не шутит?

– Ладно, – согласилась я после паузы. – Подойду к нему прямо завтра. Но если он меня пошлет, знайте – реанимировать мое брэнное тело придется именно вам!

На паре я нервничала так, как никогда до этого в жизни. Даже оставила без внимания выкрики Филонова, который в очередной раз пытался блеснуть отсутствующей частью те-

ла, а именно – мозгом. Мне часто не хотелось, чтобы лекции Поклонского заканчивались (ведь я могла без зазрения совести любоваться профессором), но сегодня это желание было особенно нестерпимым. Потому что после пары я планировала подойти к Альберту Венедиктовичу и сказать ему хотя бы пару слов.

И вот час икс настал!

– У вас есть какие-то вопросы? – уточнил он, когда все вышли, а я осталась в аудитории с Поклонским наедине. После чего посмотрел на меня, поправив очки.

Мамочки! Как же они ему шли! Но сейчас речь не об этом. Что там говорила Люда? Или это была Таня? Все смешалось в моей голове.

– Вопросов нет. У меня есть проблема.

Дура ты, Иванова! Единственная проблема (по крайней мере, вселенского масштаба) сейчас стоит прямо перед тобой! И что ты ответишь ему на закономерное уточнение, о чем идет речь?

– Я вас слушаю.

Вот! Он меня слушает. Уже неплохо.

– У меня что-то... с гормонами! – выпалила я несусветную чушь. Хотя, насколько несусветную? Действительно, у меня что-то было с гормонами, когда речь заходила о профессоре.

– У вас что-то с гормонами, – повторил он, когда пауза затянулась.

– Да. И я бы хотела посоветоваться с вами. Вы ведь в этом разбираетесь.

– Что конкретно вас беспокоит?

Альберт Венедиктович смотрел на меня внимательно, а я не знала, куда деться от этого взгляда.

Меня беспокоите вы. Например, поели ли во время обеденного перерыва. Или как сегодня вам спалось. Есть ли у вас девушка, в конце-то концов, – вот что меня беспокоило. Но ответила я совсем иначе.

– Меня то в жар кидает, то в холод. Или наоборот. В общем, я хотела бы получить консультацию от знающего человека.

Люда и Таня мной бы гордились. Я думала так все то время, пока смотрела на профессора, который, в свою очередь, смотрел на меня. А потом он просто кивнул и сосредоточил свое внимание на телефоне, на который ему пришло какое-то оповещение.

– За консультацией вы можете обратиться в мою клинику, – рассеянно произнес он. – Запишитесь ко мне на прием.

Записаться к нему на прием! Об этом я и мечтать не смела! И Поклонский вот так просто говорит, что я должна это сделать.

– На ближайшее время? – уточнила я, когда Альберт Венедиктович направился к выходу из аудитории.

– На ближайшее время. Скажем, на 17:00 завтра, – отстра-

ненно ответил он и вышел.

Я неосознанно сделала жест, означающий что-то вроде «Ес!». Сам Поклонский назначил мне едва ли не свидание, просто выслушав мои выдумки насчет гормонов. Он ведь понимал, что это все сказки и просто хотел меня увидеть вне стен университета? Или нет?

Я посмотрела вслед удаляющемуся профессору и подернула плечами. В любом случае, разберемся с этим всем, когда наступят те самые заветные 17:00 завтрашнего дня.

Без десяти пять я переминалась с ноги на ногу возле клиники, где работал профессор, не в силах понять, что за тревожащее чувство не дает мне покоя. Не забыл ли Поклонский о том, что я записана к нему на прием? Что вообще будет на нем происходить? Но, была не была! Надо было идти.

На рецепции меня встретила улыбающаяся девушка, которая поздоровалась и воззрилась вопросительно.

– Иванова! Записана на 17:00! – выдохнула я.

Та сверилась с компьютером и кивнула.

– Проходите, ваша карточка уже в кабинете Альберта Венедиктовича.

Моя карточка, ну надо же! Значит, профессор и взаправду помнил о том, что я приду, и уже ждал меня в полной боевой готовности. Как врач, разумеется.

На третий этаж я поднялась с отчаянно колотившимся сердцем и предчувствием чего-то неминуемого.

Помни о том, что я тебе сказала! – зазвучал в голове, как наяву, голос Люды.

Да-да! – поддержала ее Таня. – Наука – вот, что вас объединит!

Эти фразы, всплывшие в памяти, придали мне сил, и стучала я в дверь профессорова кабинета изрядно успокоившись.

– Войдите! – раздался голос из-за двери. Женский. Черт, я что, ошиблась?

Заглянув в кабинет, я увидела престарелую женщину, которая сидела за столом в стороне. Второй стол, располагавшийся напротив входа, был пуст.

– Я Иванова... К Альберту Венедиктовичу, – выдавила из себя, надеясь, что ошиблась кабинетом. Ну или профессор просто вышел и скоро вернется.

– Да, Альберт Венедиктович меня предупреждал. Заходите. Он сейчас на срочном совещании.

Черт! Ну и что прикажете с этим делать?

– А когда вернется?

– Вы и встать не успеете, как будет тут. – Это прозвучало довольно угрожающе, но в кабинет я все же вошла. Она взяла со стола карточку и бегло ее просмотрела. – Раздевайтесь, Дарина.

– Я Даша.

– Да, вот я и говорю, раздевайтесь, ложитесь на кушетку. Как ваши гормоны?

Блин! Все же меня ждет полноценный осмотр, о котором побеспокоился профессор. Но что поделать? Я, как тот сапожник без сапог, уже приличное время не была у гинеколога, так что лишним обследоваться не будет.

– Гормоны в порядке. Наверно. Мы же это выясним?

– Обязательно! Альберт Венедиктович сделает все в лучшем виде.

Уж в этом я не сомневалась. Профессор был докой в своем деле.

Раздевшись, я легла на кушетку и врач тут же накинула мне на ноги простыню. Подкатила к нам аппарат узи. Значит, Поклонский побеспокоился обо всех аспектах этого осмотра. А это даже приятно.

– Расслабьтесь, больно не будет.

Конечно, не будет! Но было бы еще и приятно, если бы это все делал профессор, а не его престарелая сотрудница. Или я бы такого не хотела?

Закрыв глаза, представила, как Альберт Венедиктович находится между моих ног. Эта картина вызвала желание, чтобы он в этот момент был облачен совсем не в медицинский халат. А лучше вообще был бы безо всего. Ооооо... Как же мне этого хотелось!

– Вот и все! – минут через десять, которые я провела в фантазиях, объявила та, которую я мысленно окрестила бабушкой. – Ножки ровно кладем, лежим минут десять так. Потом переложу вас на диванчик, часик полежите. И выпи-

шу свечки.

– Что за свечки? – устроившись удобнее, спросила я.

– Гормональные. Вам нужно.

Вот ведь! А я ведь врала по поводу гормонов! А на деле, оказалось, что попала прямо в яблочко.

– А Альберт Венедиктович скоро придет? – снова попыталась я выяснить то, что волновало меня в первую очередь.

– Скоро, да. Только совещание закончится.

Через десять минут меня уложили на небольшой диванчик в тихой комнатке. Даже сон отовсюду навалился, как будто не спала несколько ночей. Зачем мне был нужен этот отдых, я не совсем понимала, но полагалась на тех, кто был в этом более сведущ.

Или может, это Поклонский распорядился, чтобы я была устроена с комфортом, пока он не вернулся с совещания?

Я устроилась удобнее и мгновенно провалилась в блаженную темноту.

– Дарина Николаевна! Дарья... просыпайтесь.

Меня потрясли за плечо и я вынырнула из сновидения. Весьма развратного, к слову, где мы с Поклонским предавались плотским утехам.

– Альберт Венедиктович вернулся?

Я села на диванчике и потеряла глаза руками, сразу же вспоминая, где именно нахожусь и зачем. Свидание с профессором! Которое я, к своему стыду, чуть не проспала.

– Альберт Венедиктович не вернулся, но он позвонит вам завтра. Я сообщила ему, что все прошло хорошо.

Я насупилась. Ох уж эти занятые профессора! Ни минутки на ту, кто ради него проехал путь в полгорода.

– Ладно. Тогда я пойду домой, – пробурчала и поднялась с дивана.

– Сегодня просто какое-то важное совещание. Но Альберт Венедиктович совершенно точно позвонит вам завтра!

Меня проводили до дверей, за которыми я и осталась наедине с осознанием, что сегодня не увижу профессора. А завтра уже суббота, и это значит, что лекций ждать еще целых два дня.

Что ж! Если Поклонский не соврал (ну или его сотрудница не приукрасила действительность) завтра профессор обязательно мне позвонит. А уж что сказать ему, когда это случится, я обязательно придумаю. Не будь я Дашей Ивановой!

***

– Чем это пахнет?

Я повел носом, пытаюсь определить, что за аппетитный аромат витает в доме. А главное – откуда в моем холостяцком жилище вообще может пахнуть чем-то хоть сколько-нибудь съедобным?

Ответ на оба вопроса обнаружился на кухне. Я наконец понял, что это пахнет рыбой. А рыба в моем сознании была прочно связана с одним-единственным человеком. Моим

дедом – заядлым рыбаком, превосходно умеющим готовить то, что наловил.

Именно он и стоял у плиты, обжаривая на сковороде рыбу. Наверняка свежепойманную.

– Дед! – позвал я его, когда он при моем появлении даже взгляда не отвел от своей добычи.

– Альберт!

Обернувшись, дед сгреб меня в крепкие объятия и я ответственно похлопал его по спине. Приезжал он ко мне нечасто, предпочитая деревенскую жизнь городской суете. Но если уж приезжал, то выполнял по максимуму все родительские задачи. И кормил, и мозг выносил, чтоб жизнь медом не казалась.

– Я тут рыбку тебе привез. Сейчас есть будем, – сообщил мне дед и я, молча кивнув, с блаженством рухнул в кресло, устало вытянув вперед ноги. День получился суетным – на совещании в клинике решали какие-то настолько важные вопросы, что я уснул уже через пятнадцать минут. А проснулся от ужасного осознания, что высокое собрание все еще не разошлось, а у меня важная пациентка.

Конечно, Серафима Петровна (это моя ассистентка) прекрасно знала, что нужно делать, но я, как правило, предпочитал контролировать все сам.

– Держи, поешь, – сказал дед, вручая мне тарелку, а сам полез в холодильник. Что он хотел там найти, я не знал, но зато знал, чего бы он найти не хотел.

Но таки нашел.

– Это что за грибы? – поинтересовался дед, доставая с полки банку с одним из моих сокровищ.

– Не трогай! – предупредил я. – Это яичник.

– Батюшки! – охнул он, спешно возвращая банку на место. – Зачем он здесь?

– Все для науки, – откликнулся я.

И это было действительно так. Я не уставал раздвигать границы того, что было уже изучено до меня, в надежде найти то, что еще никому не известно. И друг-патологоанатом в этом плане мне был очень кстати.

Закрыв холодильник с таким видом, что стало ясно – вся рыба достанется сегодня мне одному, дед опрометчиво решил присесть на диван.

И в тот же миг с дивана донесся надрывный звук. Дед, схватившись за сердце, вскочил на ноги с такой скоростью, с какой даже ради рабы не скакал.

– Ты сел на шлюшку Молли, – спокойно пояснил я, кладя в рот первый кусочек рыбы.

Дед испуганно перекрестился. Потом спросил:

– Ты что, завел резиновую женщину?!

Я кинул на него удивленный взгляд. Зачем мне резиновая? Мне и живых хватало с лихвой. К тому же резиновые женщины не могли рожать, а значит, не представляли из себя никакого интереса.

– Это всего лишь кошка, – невозмутимо пояснил я.

Молли, словно понимая, что речь шла о ней, поднялась с дивана, изящно потянувшись. Зевнув с царским достоинством, села обратно, предварительно кинув на деда оскорбленный взгляд.

Дед от такой встречи явно растерялся. Я так и видел, как его мысли удивленно мечутся от факта того, что я вообще завел кошку, к тому, что назвал ее шлюшкой Молли.

– И давно у тебя это... животное? – спросил он наконец.

– Что-то около месяца.

И, чтобы дед дальше не ломал голову, добавил:

– Прибилась к моей двери как-то ночью и орала, мешая спать. Я вышел шугануть ее и обнаружил, что она рожает.

– Господи Иисусе, – пробормотал дед. – Но зачем ты называл ее шлюшкой Молли?

Я искренне не понимал его удивления.

– Вообще-то, это комплимент, – заявил я.

– Давно ли слово шлюха стало комплиментом? – дед перекрестился еще раз. Я наблюдал за этим с привычным скепсисом. Для меня не было иного божества, кроме науки. И иного чуда, кроме чуда рождения.

– Эта кошка осчастливила как минимум одного кота – разве это не прекрасно? – откликнулся я и, спешно доев рыбу, собирался было улизнуть в спальню, да не тут-то было.

– Жениться тебе надо! – заявил дед и тут уже я сам чуть не перекрестился.

Ну уж нет, наука не терпит конкуренции! В этом я убе-

дился в очередной раз, когда от меня ушла последняя девушка, с которой я встречался. А ведь эта еще была из лучших! Мне казалось, что она понимала меня, насколько вообще ученый-физик может понимать репродуктолога. Однако и Лера не выдержала содержимого моего холодильника. Да и мозга тоже.

В этом плане мои студенты были настоящей отдушиной. Не все, конечно. Были и безнадежные настолько, что я не был уверен, что они способны хоть кого-то оплодотворить. Что естественным путем, что искусственным.

Впрочем, та любопытная девица... Иванова, кажется, подавала определенные надежды. Точно, нужно позвонить Ивановой. Только другой – той, что была сегодня у меня на приеме.

– Дед, у меня срочный деловой разговор, – заявил я, скрываясь в спальне.

После трех тщетных попыток дозвониться Ивановой, я отложил телефон в сторону. Оставалось надеяться, что все действительно прошло так хорошо, как уверяла в том Серафима Петровна. Ну а пока я собирался заняться планом для лекции.

Он так и не позвонил. К вечеру воскресенья я окончательно поняла, что Поклонский или забыл обо мне или вообще звонить не собирался. Это меня так расстроило, что я даже не подошла к телефону, когда мне настойчиво звонили дев-

чонки. И вообще подумывала о том, чтобы не идти на лекции к профессору. Хотя бы в понедельник, а дальше посмотрим.

Но в университет все же пошла. Во-первых, остальные предметы ни в чем не провинились. Во-вторых, я рассчитывала хоть глазком увидеть Поклонского и понять, что он вообще обо всем этом думает.

– Ну, Иванова! Мы уже собирались вызывать поисково-спасательный отряд! – объявила Людка, глядя на меня въедливо.

– Признавайся, вы с Веником пропали на все выходные в любовном угаре? Как Поклонский в постели?

Я мрачно посмотрела на Таню и вздохнула. Уж если я и пропадала в угаре, то назывался он телефоннезвонительным.

– Профессор хорош. Только не в постели, а как врач. Так хорош, что назначил мне целый осмотр, с узи и анализами.

– Уляля! Вот это у профессоров игрища!

Теперь такого же взгляда заслужила Люда.

– Никаких игрищ. Все это проделала со мной его сотрудница. Профессор так и не явился.

– Поняяятно, – протянула Таня. – Ну, значит, свидания в клинике – не лучший вариант.

Да уж! Тут не поспоришь. Чтоб я еще раз пошла к нему на прием? Никогда в жизни!

– И если учесть, что он обещал мне позвонить и так и не позвонил...

Я не договорила. Пожала плечами и махнула рукой.
– Ладно, идем. Учеба не ждет.

В кафе меня настигло очередное разочарование. Альберт Венедиктович попросту окинул наш столик беглым взглядом и на этом... все. Сел на свое место, принялся за кофе. Это сначала как будто окунуло меня в ледяную воду, а потом разозлило. Пропустить лекции у Поклонского? Теперь ни за что!

Я выучусь и тоже стану профессором! Изобрету какой-нибудь супер способ для лечения бесплодия и Поклонский еще локти будет кусать от того, что мной пренебрег.

– Девочки, я в аудиторию, – произнесла я и, встав из-за столика и бросив кофе недопитым, удалилась.

На лекции села чуть подальше, чтобы не отвлекаться на то, чем обычно занималась гораздо усерднее, чем усвоением материала.

Когда все затихли и в аудитории стал звучать голос Поклонского, даже встрепенулась. Хмуро посмотрела на профессора, а он (чудеса!) так же хмуро посмотрел в ответ на меня. Я опустила взгляд, спрятавшись от глаз Альберта Венедиктовича, насколько это было возможно. Его голос зазвучал громче. А когда я услышала отчетливое «Иванова», мне даже показалось, что ослышалась. Но ко мне обернулись Люда, потом Таня, и я почувствовала, как заливаюсь краской.

– Я немного не расслышала вас, Альберт Венедиктович, – призналась я.

– Я спрашивал, почему вы не на своем месте?

А! Так мы все же заметили!

– Потому что сегодня мне удобнее здесь.

– Вот как? А я как раз сегодня приготовил ту тему, которая вас так интересовала. По правде говоря, не собирался в нее углубляться, но думаю, что это будет полезным не только для вас. Может, вернетесь обратно?

– Я вас слышу прекрасно и отсюда, – пробурчала я. – И вообще я много думала на этих выходных... знаете, у меня было много свободного времени... так вот, я не считаю, что тему клонирования стоит развивать и дальше. У нас она под запретом.

Профессор кашлянул и поправил очки. Я мысленно себя обругала. Ну ведь могла бы промолчать! Так нет же!

– Значит, я зря работал над темой лекции все выходные.

Это что, такая попытка завуалированно сказать мне, что я не дождалась звонка, потому что профессор был занят?

– Не зря. Мне это интересно, – капитулировала я. Ну а вы бы не капитулировали под этим взглядом? И после легкой улыбки, которая появилась на губах профессора?

– Тогда жду вас обратно. – Поклонский кивнул на мое привычное место.

И что вы думаете я сделала? Уперлась, как капризная девочка!

– Пока я останусь здесь, а на следующей вашей паре пересяду. Обещаю. И обязательно обещание выполню, – с нажимом произнесла я, надеясь, что он поймет намек, и снова уткнулась в свои записи.

И Поклонский опять потерял ко мне интерес. Вернулся к кафедре и стал читать лекцию.

Ну и черт с ним!

– Даш, ты вообще палишься нещадно! Мне кажется, уже все в курсе о ваших шурах-мурах, – хихикнула Таня, когда мы вышли из аудитории.

Тоже мне, Америку открыла. Конечно, все были в курсе, это ни для кого не секрет.

– Мне все равно.

– Тебе не все равно, не надо врать. Да и Венику тоже не все равно. Ты бы видела вас со стороны.

Мне очень хотелось расспросить, как это было глазами девочек, но я сдержалась.

– Вообще, тебе нужно изобрести новый план, – уверенно сказала Таня, толкая перед собой дверь.

Мы вышли из университета и я сделала вдох. Свежий воздух немного разогнал туман в голове.

– Ничего я изобретать не собираюсь. Пусть все будет, как будет. Поехали по домам.

Тогда я даже представить не могла, какие новости меня ждут уже к концу этой недели... Новости, перевернувшие

мою жизнь. Впрочем, чему тут удивляться, если в этом был замешан профессор, с появлением которого вся моя реальность и так встала с ног на голову?

Я взял в руки бутерброд и сверился со своим расписанием на сегодня.

Так, на пять часов у меня Иванова. Дарина. Та самая, которой я не дозвонился. Отлично, нужно будет проверить, как чувствует себя подсаженный ей эмбрион.

Продолжая листать записную книжку, я надкусил бутерброд и поморщился. Надо же, какую ужасную нынче делают ветчину! Суший пластилин. И на вкус такая странная...

Продолжая автоматически жевать, я сделал несколько пометок в своем ежедневнике. Ругнулся, когда ручка вдруг перестала писать и в тот же момент обнаружил, что какая-то пелена застилает мне глаза.

Да нет же, не пелена! Пузыри. Мыльные. Нахмурившись, я огляделся в поисках источника этого безобразия. В кабинете не было никого. Вздохнув от досады, я вдруг обнаружил, что пузыри вырываются из моего собственного рта. Твою мать!

Взгляд метнулся к бутерброду в руке и я мученически застонал. Пузыри полетели из меня с новой силой, наполнив кабинет химическим ароматом клубники.

Отбросив в сторону кусок мыла, который умудрился надкусить по рассеянности вместо бутерброда, я пошел срочно

промывать рот. Хорошо еще, что не успел это все проглотить!

Наверно, дед все же был прав. Не в том, что мне так уж нужна жена. Но в том, чтобы кто-то следил за тем, чем я питаюсь. Шлюшка Молли с этой функцией явно справиться не могла. Она и себе-то еду добыть была неспособна! Может, стоит завести дома мышей? Будет кошке пища, а заодно и развлечение. Отличный вариант экономии ресурсов и времени, я считаю.

Все это проносилось в моей голове, когда я старательно пытался сплюнуть изо рта мыло. Но не особо преуспел к тому моменту, как в кабинет постучалась Серафима Петровна.

– Альберт Венедиктович! – позвала она.

– О аое еаиа еоа? (Что такое Серафима Петровна?) – промычал я, стараясь не наглотаться мыла.

Сука, и кто только сделал это мыло настолько мыльным? Делают, блин, качественный продукт, когда не надо!

– Батюшки! – всплеснула она руками. – Профессор, вы зачем мыло кушали?

«Затем, что жрать хотелось», – мрачно подумал я, но снова открывать рот не рискнул. Просто молча воззрился на свою ассистентку в ожидании.

– Иванова пришла, – сообщила она мне. – Так странно, мне казалось, что прошло недостаточно времени...

Я в ответ только взмахнул рукой – мол, зовите уже, а не болтайте. А сам вернулся к раковине, чтобы снова попытаться

ся прополоснуть рот.

Надо же было не донести проклятое мыло до туалетной комнаты! Не забудь я его на столе – сейчас бы не испускал из себя пузыри, как клоун какой-то!

Привкус мыла так и остался во рту, когда я наконец вышел к пациентке. Она уже возлежала в кресле, всячески для меня готовая. В смысле – для осмотра.

– Ну, как самочувствие? – поинтересовался я, и к своему ужасу увидел, как у меня изо рта вырвалась очередная партия пузырей. Бл*дь, да кончится это когда-нибудь или нет?!

– Профессор, у вас изо рта идут пузыри, – сообщила мне Иванова, как будто у меня собственных глаз не было!

– Это не пузыри, – сообщил я ей самым деловым тоном из всех возможных. – Это легкий побочный эффект лекарства, над которым я сейчас работаю. Против бесплодия.

Последняя фраза явно была лишней, и я с досадой прикусил язык. Может, не заметит?

– Альберт Венедиктович, вы испытывали средство от бесплодия на... себе?

Тьфу, бл*дь, заметила.

– А что такого? – откликнулся я невозмутимо. – Все должны иметь возможность завести детей.

Иванова согласно закивала.

– Вы настоящий волшебник, профессор! – сказала она с чувством и раздвинула ноги еще шире. В тот самый момент, как я весь вооружился – датчиком узи, разумеется.

Один взгляд – и я начал подозревать, что я не только волшебник, но еще и фокусник. Потому что эмбриона, подсаженного Ивановой неделю тому назад, в матке не было.

Я нахмурился, пытаюсь сообразить, куда мог пропасть эмбрион. Ну не убежал же он оттуда, в самом-то деле?

Здесь могло быть только одно объяснение с точки зрения науки: никакого эмбриона не было подсажено пациентке в принципе. А это значит... это значит, что он был подсажен кому-то другому. Если принять за истину тот факт, что Серафима Петровна действительно произвела запланированную операцию.

– Что-то не так, Альберт Венедиктович? – донесся до меня голос Ивановой и я, растянув губы в лучшей улыбке, ответил:

– Все так. Вы ведь были у меня неделю тому назад? Или нет?

– Нет. Вы мне назначили на эту пятницу, а перед этим я была у вас недели две назад.

Я прикрыл глаза. Это была настоящая катастрофа.

– Полежите, пожалуйста, я сейчас кое-что проверю, – сказал я и направился в лабораторию.

Я перебирал в голове варианты того, что могло произойти. И каждый новый был еще страшнее предыдущего.

Реальность оказалась, однако, намного хуже всех моих предположений. Эмбрион, предназначенный для Ивановой, спокойно ждал на своем месте.

Но пропало кое-что пострашнее. То, о чем никто не должен был знать.

Мой клон.

– Папа, что ты делаешь?

Я удивленно посмотрела на не слишком привычную картину. Мой отец, надев передник и вооружившись половником, что-то варил на кухне.

Папа у меня был врачом, причем первоклассным. Носил гордое звание вирусолога и был помешан на своей специальности.

– Варю бульон, – сообщил отец. – Во второй воде. Знаешь, курицу шпигуют антибиотиками, а у тебя явно не бактериальная инфекция, а какой-то вирус.

Чтооооо?

– С чего ты решил, что у меня какой-то вирус? – удивилась я.

– Ты стала долго спать и выглядишь больной.

Вот уж спасибо за комплимент! Но он был прав, я вправду стала спать дольше обычного.

– Я не больна, папа, – вяло запротестовала я.

– Мне лучше знать. Сейчас сварю бульон, добавлю туда чеснока. Тебе нужны силы.

Как с укреплением организма сочетался чеснок, я не знала, но решила не спорить. Да и выпить немного бульона и впрямь будет нелишним.

Через несколько минут папа поставил передо мной дымящуюся супницу и вручил ложку.

– Ешь! – велел он и пошел к себе.

Пока я неохотно ела бульон, папа вернулся с записной книжкой. Такой, знаете, обычной и бумажной, а не электронной. Эта его особенность вносить все данные на такой носитель всегда казалась мне удивительно милой.

– Свяжусь с Лаврентьевым, пусть тебя осмотрит, – выдал вдруг отец.

– Это еще зачем? – выдохнула я.

– В городе зараза какая-то ходит. Не хочу, чтобы ты заболела. Осмотр, анализы и я буду спокоен, – подернул плечами отец.

– Я не больна!

Я просто нервничаю последнее время из-за одного профессора, вот и все. Но не скажешь же об этом отцу!

– Вот и убедимся в этом. Когда тебе удобно будет съездить к дяде Вите?

– Папаааа. – Я закатила глаза и для верности допила бульон, чтобы отец не напридумывал себе лишнего. – Я не больна, правда. Я просто немного устала. Скоро сессия, я вся в учебе. Но сдам экзамены и станет полегче.

Пришлось захлопать глазами в лучшем стиле олененка Бэмби. Отец посомневался несколько секунд и все же кивнул.

– Хорошо. Но если так и будешь чувствовать недомога-

ние, не скрывай! – чуть повысив голос напутствовал он меня.
– Договорились.

Я поднялась из-за стола и, чмокнув отца в щеку, пошла к себе.

– Бульон получился выше всяких похвал! Соберусь в университет и помою посуду, – пообещала я и ретировалась из кухни.

А на лекциях у профессора Поклонского я оконфузилась так, что первой мыслью было бросить университет и позорно сбежать туда, где мне дадут политическое убежище. Потому что я уснула... самым позорным образом. Вроде бы только что записывала за профессором, а минутой позже уже крепко спала. И даже видела сон с Поклонским в главной роли. Хорошо хоть ничего не говорила во сне. Или говорила?

Меня мягко потрясли за плечо, я распахнула глаза и попала в серый омут взгляда Альберта Венедиктовича.

– Ой!

Вот тебе и ой! Заснуть на лекции Поклонского – Штирлиц никогда не был так близок к провалу.

– Простите, Альберт Венедиктович... Я нечаянно.

Вокруг слышались шепотки и смех (Филонов и его дружки, не иначе). Я обвела взглядом аудиторию и поняла, что лекция уже окончилась.

– Я не стал будить вас раньше, вы очень сладко спали.

Бросив взгляд на Люду и Таню, я поняла, что они жестикулируют мне, что будут ждать в кафе. Ну уж нет! Я соби-

ралась идти с ними прямо сейчас! До тех пор, пока не услышала от профессора:

– Останьтесь на несколько минут, пожалуйста.

Он отошел к кафедре и стал собираться. Со стороны могло показаться, что Поклонский немного нервничает. Например, начал совать небольшой портфель в раскрытый ноутбук и очень удивился, когда крышка не закрылась.

– Вы что-то от меня хотели? – окликнула я профессора, когда аудитория опустела, и мы остались наедине с Альбертом Венедиктовичем.

Он повернулся ко мне, нахмурился, поправил очки.

– Я хотел узнать, хорошо ли вы себя чувствуете, Дарья?

И он туда же! Может, у меня на лице появилась какая-нибудь ерунда вроде сыпи, а я и не в курсе?

– Я себя прекрасно чувствую, Альберт Венедиктович.

– Ничего не беспокоит?

– Нет. Ничего не беспокоит.

– В прошлый раз, когда вы приходили ко мне на прием, я не мог заняться вами лично. Хотел бы назначить вам новую дату осмотра. Когда вам будет удобно?

Осмотр... снова? Что-то я очень сомневалась в том, что это хорошая затея.

– Я не совсем понимаю, зачем это нужно, – призналась я.

Поклонский немного замялся, потом выдал то, что меня удивило.

– Хотел бы тщательнее вас осмотреть.

Еще две недели назад я бы полетела на тщательный осмотр у профессора на крыльях любви. Но сейчас эта мысль мне не показалась такой уж здоровой. Если так хотел бы со мной встретиться, старые добрые походы в кафе никто не отменял. Или причина была совсем в другом?

И тут меня ошарашило, как ударом молнии! В моих анализах или на узи было выяснено что-то страшное! Я даже подалась к Поклонскому и схватила его за рукав. В глазах потемнело, профессор машинально подхватил меня, чтобы не упала.

– Пришли результаты анализов и у меня обнаружили что-то ужасное? Не молчите же, Альберт Венедиктович!

Я смотрела на профессора круглыми от страха глазами, он смотрел в ответ почти спокойно.

– Нет, – покачал он головой. – У вас ничего ужасного не обнаружили.

Фух, отлегло! Поклонскому я верила.

Я высвободилась из его рук, запоздало сообразив, в какой позе мы стоим посреди аудитории. Взяла свои вещи и, направляясь к выходу, обернулась.

– Если меня что-то будет беспокоить, Альберт Венедиктович, я обязательно запишусь к вам на прием. А сейчас извините, мне срочно нужно идти. У меня следующая пара.

Может я и повела себя как дура, отказавшись от встречи с Поклонским, но знала одно – если приду в клинику, а профессор снова будет совещаться, я очень сильно огорчусь. Так

что если хочет увидиться вне стен университета, пусть придумывает что-то попроще.

Я растерянно смотрел, как Иванова выходит из аудитории с таким видом, будто я должен был ей денег в долларах, а вернул долг в рублях. То есть – недовольная и оскорбленная в лучших чувствах.

Я снял очки и растерянно потер переносицу. И что, спрашивается, теперь со всем этим делать? Сомнений в том, что именно эта Иванова носит в себе моего клона, у меня практически не было.

В тот день я внимательно проверил все материалы в своей лаборатории. Надеялся, что, возможно, это какая-то ошибка. Но клона нигде не было. И исчез при этом только он.

Вся суть ошибки выяснилась позже. Дурацкое совпадение фамилий и инициалов, приведшее к тому, что вместо обычного осмотра моей студентке подсадили эмбрион. И как будто одного этого было мало, Серафима Петровна умудрилась еще и перепутать пробирки!

Да и я, впрочем, хорош. Подобные материалы нужно было хранить в самом засекреченном месте из всех возможных, куда невнимательные ассистентки не сунули бы свои шаловливые пальцы! Но я забыл изолировать клона от остальных эмбрионов, и вот к чему в итоге это все привело!

Несмотря на уверенность насчет того, как все случилось, я все же хотел убедиться лично в том, что эмбрион находит-

ся внутри моей студентки. Но как это сделать, пока себе не представлял.

Не мог же я, в самом-то деле, притащить ее на осмотр силой! Но и пустить все на самотек, зная, что она вынашивает не до конца изученное явление – тоже. Во-первых, за такие эксперименты мне грозил серьезный срок. Во-вторых, как ученый, я хотел, конечно, детально наблюдать этот хоть и несчастный, но уникальный случай. А значит – надо было как-то подобраться к телу Ивановой. Вот только как?

Уложив наконец ноутбук в портфель, а не наоборот, я вздохнул. А ведь эта девушка – будущий врач! А сама относится к своему здоровью так халатно, отказываясь от осмотра! И куда мы катимся с таким отношением будущих медработников к себе же самим?

Последний вопрос, впрочем, был риторическим. Знай Иванова, что с ней приключилось – уже бы ноги передо мной раздвинула шире некуда! Но сказать ей вот так сразу, что она вынашивает в себе чужой плод, я пока не мог. Во всяком случае, не убедившись лично в присутствии эмбриона в ее матке.

Значит, придется настаивать на осмотре снова. Или заманить ее в клинику какой-то хитростью. А если ничего из этого не сработает... то что ж, скоро настанет время, когда она захочет меня сама. Как врача, разумеется.

Следующую попытку уговорить упрямую студентку приий-

ти ко мне на прием я предпринял через пару дней. В течение которых тайком наблюдал за Ивановой во время лекций. И, стоило мне только кинуть взгляд в ее сторону, как это вызывало небывалое оживление и восторг у ее соседок по скамье. Причин этого я не понимал, да и понимать не хотел. Сама Иванова беспокоила меня куда больше.

В обеденный перерыв я направился в университетское кафе, но не торопился садиться за свой столик. Вместо этого стоял у входа и внимательно высматривал в толпе Иванову. Когда уже подумал, что упустил ее из виду, Иванова наконец вошла в кафе в сопровождении своих подруг. Те что-то возбужденно галдели и до меня донеслись обрывки их разговора:

– Дашка, он так на тебя смотрел!

– Да будто съесть хотел!

Я нахмурился. Обычные женские разговоры, которые не должны были меня волновать, но... волновали. Потому что если эти девицы говорили о каком-то парне, с которым встречалась Иванова, то этот ее роман был сейчас совсем нехстати.

Я перегородил дорогу этой шумной компании и Ивановой не осталось ничего иного, как остановиться и, запрокинув подбородок, сказать вопросительно:

– Профессор?

Я посмотрел ей в глаза и понял, что не знаю, с чего начать. Хотя можно было начать с самого банального – имени. Что

я и сделал.

– Да, Дарья, это я.

А то она не видела! Но ничего умнее в голову мне не пришло. И, пока я не вогнал себя еще в больший конфуз, я быстро сказал:

– Я хотел бы пригласить вас за свой столик.

Подружки Ивановой снова зашущукались, пока она сама смотрела на меня с подозрением. Однако я готов был поставить этим понятливым девицам зачет автоматом, когда секунду спустя они подтолкнули Иванову ко мне, а их самих как ветром сдуло.

– Пойдемте? – спросил я, жестом указывая на столик у окна, где я обычно сидел в гордом одиночестве.

Кинув на меня еще один полный подозрения взгляд, Иванова все же пошла в указанном направлении. А я – следом за ней, на случай если надумает убежать.

– Не понимаю вашего внезапного внимания ко мне, Альберт Венедиктович, – сказала она, присев на самый краешек стула.

Я сел напротив, но, немного подумав, придвинулся к ней неприлично близко. Иванова аж замерла, когда наши лица оказались настолько рядом, что я мог разглядеть мелкие веснушки на ее носу. Очень милые, кстати говоря.

Я вдруг понял, что залип на них взглядом и Иванова смотрит на меня, широко распахнув глаза. Выпрямившись, решительно тряхнул головой и перешел к делу.

– Я просто хотел узнать, как ваше самочувствие.

Иванова растерянно моргнула, словно очнувшись от сна, и сказала:

– Почему вас так интересует мое здоровье? Вы мне чего-то не договариваете?

Я задумчиво поскреб подбородок. Можно было бы, конечно, приврать о том, что у нее есть какая-то мелкая болячка, но пугать ее я не хотел. Вскоре Иванову и так ждут немалые потрясения.

– Вы просто выглядите усталой, – сказал я озабоченно.

– Да что вы все заладили! – не выдержала она. – Я чувствую себя прекрасно, профессор! А если вам не нравится, как я выгляжу – просто не смотрите на меня!

Она дернулась, намереваясь встать, и я инстинктивно удержал ее, взяв за руку.

– Мне нравится, как вы выглядите, – сказал мягко. – Даже очень.

Удивительно, но это возымело свое действие. Иванова снова замерла, готовая, кажется, мне внимать. Вот только я не знал, что еще ей сказать.

Как там меня учил дед? Женщины любят ушами. Надо уделять им побольше внимания. Пространную лекцию об обращении со слабым полом он прочитал мне в тот же вечер, как узнал, что Лера от меня ушла. И сама бывшая, кстати, говорила, что не чувствует себя рядом со мной женщиной. А во время секса так и вовсе ощущает объектом для изучения.

Быстро перебрав это все в голове, я решил, что нужно, видимо, подойти с другого конца. Если Иванова не желала иметь со мной дела, как с профессором, может быть, мне стоит проявить к ней внимание, как мужчина... Это было, конечно, вопиюще аморально, но выбора у меня не было.

– Мне настолько нравится, как вы выглядите, что я хотел бы... – взгляд уперся в наши соединенные руки. Моя большая ладонь продолжала сжимать хрупкую девичью ладошку. Сделав вдох, я посмотрел ей прямо в глаза и решительно закончил:

– Я хотел бы увидеть вас в менее формальной обстановке.

– Я не верю, девчонки! – в который раз воскликнула я, примеряя десятое платье. Или профессору больше бы понравилось, если бы я надела брючный костюм? Строго, но в то же время сексуально. Да и он, наверно, привык больше к таким официальным нарядам.

Люда и Таня без усталости крутились рядом и помогали. Одна ухитрилась сделать мне прическу, хотя я скакала по комнате резвой газелью. Вторая даже успела накрасить мне один глаз. И вот в таком виде я не переставала удивляться тому, что мы с Альбертом Венедиктовичем идем в небольшой итальянский ресторанчик.

– А я сразу поняла, что у вас все будет! – заявила Люда, крепко схватив меня за плечи и повернув лицом к себе. Искомандовала Тане: – Крась!

И через десять минут я была готова. Только без выбранного наряда.

– Надевай вон то, светлое. Будет Венику намек, что он тебя еще увидит в белом платье!

– Даааа, – мечтательно протянула Таня. – Выскочишь за муж, нарожаешь маленьких профессорчиков.

– Ой, отстаньте. Мы всего лишь идем поужинать, – отмахнулась я и начала надевать платье (то светлое, конечно, просто я уже устала выбирать).

– Ну надо же с чего-то начинать, – подернула плечами Люда и вручила мне туфли. Подошла к окну, выглянула, нахмурилась: – Слушай, а какая у Веника машина?

– Я не знаю... – растерялась я.

Посмотрела на часы – Альберт Венедиктович уже должен был за мной заехать. Но пока не звонил. А будет ли звонить? Чееееерт. Ну не вычислять же теперь, какую из машин, стоящих под окнами дома, я знаю, а какую вижу впервые? На помощь пришла Таня.

– Идем. Просто выйдем из дома, может, Веник сообразит показаться первым.

Так мы и сделали, и план сработал. Только вышли из подъезда, как дверца одной из машин распахнулась, и появился профессор.

– Дарья, – сказал он, когда я приблизилась к нему под Людкино тихое «повеселись, крошка!».

– Альберт Венедиктович, – пролепетала я, теряясь.

Но Поклонский взял все в свои руки. Открыл мне пассажирскую дверцу и решительно сказал:

– Поехали!

– И все же, Альберт Венедиктович, почему вы меня сюда пригласили? – спросила я, когда мы сели за столик. Пришлось сразу прикусить себе язык. Вроде бы сиди и наслаждайся вечером, Даша, а нет! Сдержаться и не спросить оказалось невозможно.

– Кхэм, – Профессор кашлянул, поправил очки. Посмотрел на меня поверх меню, которое держал кверху ногами. Пришлось потянуться через стол, перевернуть его, чтобы Поклонский не заказал какую-нибудь абракадабру. – А почему нет, Дарья?

Не поспоришь.

– Ну, просто мы с вами всего лишь сошлись недавно на волне обсуждения клонирования, – подернула я плечами. Альберт Венедиктович тут же отложил меня и чуть подался ко мне.

– И чем это не повод встретиться с вами за ужином?

Мои брови удивленно взметнулись. И это вся причина, по которой мы с ним здесь? Даже как-то обидно стало.

– Нет-нет, вы не подумайте, Дарья. Это лишь один из поводов.

От моих дальнейших расспросов Альберта Венедиктовича спас подоспевший официант. Но и тут не обошлось без

удивительных вещей. Мою попытку заказать себе к пасте с морепродуктами бокал белого вина Поклонский решительно пресек.

– Вам не стоит пить алкоголь, – сказал он, когда удивленный нашей небольшой перепалкой официант отошел. Без заказа на мое вино, между прочим!

– Почему это? Я совсем не против выпить вечером бокал вина.

– Я тоже не против. Но сейчас вам пить не стоит.

– Вы снова за своееее? – простонала я. – С чего вдруг все вокруг решили, что я нездорова?

Поклонский сразу встрепенулся.

– Кто еще так решил? – потребовал он ответа.

– Мой отец. Но он часто подвергает меня гиперопеке.

– Кем он трудится?

– Врач-вирусолог. Стремление к медицине – это у нас семейное.

– А мама?

– Мама не стало несколько лет назад. – Я вздохнула, горько улыбнулась. – Вовремя не обнаружили пневмонию.

– Как это часто бывает среди врачей, – протянул Поклонский и я кивнула.

– Но давайте об этом не будем. Может, расскажете о своих родителях?

– У меня все тоже печально.

– И они умерли от пневмонии?! – ужаснулась я.

– Нет. Всего лишь так увлечены собой и своей жизнью, что на сына им плевать. Меня воспитывали дед с бабушкой. Теперь остался только дед.

– Мне очень жаль, – искренне сказала я.

Если сейчас положить руку поверх ладони профессора, лежащей на столе, это будет уместно или нет? Мои терзания решил официант, который принес напитки.

Некоторое время мы с Поклонским сидели молча. Я гадала, зачем он все же позвал меня на ужин на самом деле, профессор неприкрыто изучал меня, как будто я была объектом для исследований. И вдруг спросил:

– Скажите, Дарья, а как вы сами относитесь к детям?

Я даже поперхнулась глотком воды. Профессор умел ошарашить.

– Я отношусь нормально. Процесс зачатия и рождения мне очень интересен, насколько вы уже поняли из выбранной мною специальности.

– Я немного не о том. – Поклонский снял очки и потер переносицу, как часто это делал, когда ему нужно было подумать. – Вы сами хотели бы стать матерью?

– Эмммм...

– Я так и думал.

– Что вы так и думали?

– Что в ваши планы это не входило.

– Пока нет. Мне всего двадцать лет. Когда-нибудь будет входить обязательно.

Профессор от этих слов сглотнул, я же снова начала задаваться вопросом почему он об этом расспрашивает? Может, взаправду, я ему нравлюсь как женщина и у него такие методы обольщения? Когда принесли пасту, уже я заняла наблюдательную позицию. Смотрела за тем, как Поклонский ужинает, задумчиво хмуря брови, как отпивает из стакана воду, как красивые губы касаются края бокала... Нет, все же для меня Альберт Венедиктович оставался загадкой, и я пока не понимала, что чувствую сейчас, когда наши отношения стали более близкими. Не лучше ли для меня было бы, чтобы все так и оставалось, как раньше? Профессор – за кафедрой, влюбленная я – на первом ряду в аудитории.

В общем и целом, этот ужин оставил мне слишком много вопросов, а ответов на них я пока не находила.

Через несколько дней меня ждало испытание, которых я в своей жизни еще не проходила. В третий раз за эти дни специальное приложение на телефоне сообщило мне, что у меня задержка. А ведь раньше все было, как по часам! Хорошо, что как раз были выходные, и я могла с чистой совестью проваляться с ноутбуком в поисках всей необходимой информации. Ее оказалось уж слишком много, помимо той, которую я изучала на лекциях.

Зато Таня подошла к этому вопросу более прагматично. Прихватив с собой Люду и пару тестов на беременность, при-

ехала ко мне уже через час.

– Вот. Иди и делай, – вручила она мне тесты. – Конечно, лучше бы утром, но второй можешь оставить на завтра.

– Не смей меня, Тань. Кто, как не вы, знаете, что у меня не было секса... – я примерно прикинула, когда рассталась с последним парнем, – ... полгода точно.

– Иди и делай! – Таня развернула меня на полпути к кухне, куда я отправилась ставить чайник. – И пока не сделаешь, из ванной не выпустим.

– Вот как? Ну, сейчас увидишь, что я беременной быть не могу вообще ни при каких обстоятельствах!

Схватив тесты, я удалилась в ванную. Села на бортик, покрутила пачку в руках. Почему-то внутри все затрепыхалось от мысли, что сейчас я могу увидеть две полоски. Может, у меня гормональный сбой, о котором и молчал профессор? Но зачем? Это состояние прекрасно корректируется медикаментами!

Решившись с духом, я сделала тест и отложила его на край раковины. Стала ходить туда-сюда, насколько позволяли размеры ванной, стараясь не коситься на свой приговор.

Но когда взяла тест в руки и обнаружила на нем ярко выраженные полоски, пошатнулась и схватилась за стену. Неужели попала в тот крохотный процент, когда тесты могли соврать?

Вышла из ванной я со скорбным лицом и мыслью, что мне все же придется снова наведаться к профессору, пусть уже

расскажет, что у меня за недомогание, о котором он что-то наверняка знал.

Ожидающие за дверью Люда и Таня забрали у меня тест и вскоре прозвучал мой приговор (хорошо еще папы дома не было):

– Дашка беременна! – Объявила Таня. А потом девочки воскликнули хором: – Дашка! Ты беременна?!

– Альберт Венедиктович, – кто-то коснулся моего плеча сзади и я вздрогнул, очнувшись от своих невеселых мыслей.

Стоило признать – попытка пригласить Иванову на свидание оказалась полным провалом. Все же по части оболения я был не столь сведущ, как в области женских половых органов. По большому счету, нам с Дарьей и говорить-то было не о чем! Пропасть длиной почти в два десятка лет давала о себе знать. Хотя, в общем-то, это меня беспокоить было не должно. Дарья на данный момент интересовала меня больше всего как пациентка. И объект изучения. Весьма привлекательный, надо сказать, объект...

– Ммм? – промычал я в ответ, оборачиваясь. Передо мной стояла завкафедрой стоматологии – Елена Владимировна Кравец. По части чужих челюстей она была также хороша, как я – по части женской репродуктивной системы. Лично ходил к ней два раза и возвращался с отличными зубами. Единственное, что меня смущало во время этих визитов – это то, как она, в попытке добраться до верхнего зуба, бук-

важно возлежала на мне пышной грудью. В общем, во избежание конфузов, больше я к ней не ходил. Хотя она всячески зазывала до сих пор.

Вот и сейчас Елена улыбалась мне так, будто срочно хочет подлечить еще пару моих зубов. На всякий случай я чуть отодвинулся ближе к окну. Никогда не знаешь чего ждать от этих стоматологов!

– О чем-то задумались, профессор? – улыбнулась мне Елена и я растянул губы в ответной улыбке.

– Как всегда – о работе, коллега.

– Скучно мы живем, – вздохнула она в ответ. – Не то, что наши студенты. Я краем уха сегодня услышала, что группа А-34 собирается в какой-то клуб. В понедельник, чувствую, вы до них не достучитесь.

– А-34... – пробормотал я задумчиво.

– Ну да, та группа, где учится ваша воздыхательница.

– Воздыхательница? – не понял я.

– Иванова, кажется. Вы что, Альберт, весь университет в курсе, как она по вам сохнет!

Я приподнял брови. Очень интересно. Почему это весь университет о таком в курсе, а я – нет? И сам же себе ответил: потому что я был слишком погружен в науку, чтобы замечать что-то еще.

Однако, если я не найду выхода из того положения, в которое попал, в ближайшие годы мне светят не научные исследования, а небо в клеточку. А ключом к решению моих про-

блем была Иванова. Которую нужно было обследовать любой ценой. И которая сегодня собиралась идти в какой-то клуб, где можно напиться того, чего ей категорически нельзя! Тем более с учетом того, что в ней находится не просто обычный эмбрион.

– Спасибо, Лена, – сказал я рассеянно и вышел из приемной.

Выбора не было – мне нужно было проследить за Ивановой. Лично проконтролировать, чтобы ей в рот не залетело того, чего никак не положено. Перехватив в коридоре старосту группы, я невзначай выяснил, в какой именно клуб они сегодня собираются и в какое время. Чтобы, естественно, направиться туда самому.

Собирался я в клуб как на какую-нибудь шпионскую операцию. Откопал в шкафу толстовку, в которой обычно ездил к деду в деревню, сверху надел черный плащ. Ну а что? Мало ли в чем ходит сейчас молодежь!

На входе в клуб я натянул на голову капюшон толстовки, чтобы скрыть лицо. Обозначить свое присутствие раньше времени у меня желания не было.

Может статься, что Иванова вняла моим прошлым предупреждениям и не будет тянуть в рот что не нужно. Или вообще останется дома. Но я, в любом случае, должен был все держать под контролем.

Увидел ее я сразу – светлые локоны прыгали в танце, а на

заднице Ивановой красовалась рука какого-то парня. И это зрелище мне отчего-то страшно не понравилось.

Склонив голову, я прошел к барной стойке и там устроил наблюдательный пункт. Когда песня закончилась, Иванова, уже в одиночестве, села за столик с задумчивым и отсутствующим видом.

Я мгновенно встревожился. Может, она нехорошо себя чувствует? Первые признаки беременности уже должны были дать о себе знать. Что, если она сделает тест? И, чего доброго, решит, что забеременела от кого-то из тех, кто лапал ее за задницу?

А ведь и это было не исключено! Однозначно – ее нужно было обследовать. Но лекции по поводу заботы о своем собственном здоровье тут явно не работали.

Впрочем, все эти размышления выскочили у меня из головы, когда я увидел, как официант принес Ивановой бокал с прозрачной жидкостью. Это что, водка?

Нужно было срочно вмешаться. Что я и сделал, подскочив к Ивановой сбоку и вырвав бокал из ее рук. Сделал глоток и с облегчением выдохнул, осознав, что это простая вода.

– Простите, – сказал я без тени раскаяния, – очень пить хотелось.

Иванова резко вскинула голову.

– Альберт Венедиктович! – воскликнула она удивленно.

– Добрый вечер, – откликнулся я невозмутимо. Будто только и делал каждый вечер, что ходил по клубам.

– Что вы здесь делаете? – спросила Дарья, не сводя с меня удивленных глаз. Красивых голубых глаз... Но это отношения к делу не имело.

– Отрываюсь, – сообщил я все с тем же покер-фейсом и под завывания о виски и коле, доносившиеся с танцпола, повертел бедрами. Хотелось думать, что призывно, но, похоже, это смахивало скорее на танец маленьких котят, чем на сексуальный позыв.

– Потанцуем? – перешел я в наступление, пока Иванова не успела очухаться от моего внезапного явления перед ней.

– Честно говоря, мне не хочется, – поморщилась она в ответ и я выдохнул с облегчением. Позориться еще больше у меня желания не было.

– Голова что-то болит, – пожаловалась она следом. – Лучше я наверно пойду домой.

Я с ней был категорически согласен! Дома ей находиться лучше всего. Никто не будет щупать шаловливыми руками за задницу.

– Я вас провожу, – вызвался я. – Если, конечно, вы не пришли с кем-то...

– Нет-нет, – отозвалась Иванова к моему облегчению. – Меня больше некому провожать.

Я очень надеялся, что и лапать ее больше тоже некому. Потому что, если Иванова вела активную сексуальную жизнь, могло случиться осложнение и в виде самой обычной беременности. А только этого сейчас и не хватало!

– А как же тот парень, с которым вы танцевали? – поинтересовался я невзначай и Дарья удивленно подняла брови:

– Вы что, следили за мной, профессор?

Я вспомнил все наставления деда о слабом поле и слова Елены о том, что Иванова ко мне равнодушна, и, склонившись к ней, сказал с улыбкой:

– Просто на вас невозможно не обратить внимание.

Кажется, этим объяснением она осталась довольна. Не сводя с меня глаз, выдохнула:

– Так проводите же меня... профессор.

И я вдруг понял, что затеянная мною игра могла обернуться против меня же самого.

За эти дни я сделала еще несколько тестов, каждый из которых буквально кричал о моей беременности. Неправильные результаты (тот самый микроскопический процент из ста) я отмела уже на вторых двух полосках. А вот гормональный сбой, который наверняка меня и настиг, был весьма вероятным. И я все больше утверждалась в мысли о том, что мне просто необходимо идти к Поклонскому на прием. Пусть уже расскажет все, ведь он точно что-то знает!

Кстати, о профессоре. Его поведение было для меня загадкой. Чего стоило только появление Альберта Венедиктовича на студенческой вечеринке, где его не ждали. И попытки со мной... пофлиртовать? По крайней мере, именно так я воспринимала его телодвижения в мою сторону. Хотя, на-

до признаться, меня они все меньше трогали, потому что сосредоточилась я совсем на другом. А именно – на токсикозе.

– Это психосоматика, – закивала Таня, пока Люда придерживала мои волосы в разгар очередного приступа тошноты. – Если все же ты действительно ни с кем не потрахалась в разгар овуляции.

– Я бы такое запомнила, – выдавила я из себя и снова склонилась над раковиной.

Когда же мне полегчало, я обнаружила, что Таня протягивает мне телефон.

– Звони Венику, пусть тебя осмотрит! – безапелляционно заявила она. – Вот! Я только что вычитала. Девушка думала, что залетела, а это оказалась опухоль! Пузырчатый занос! – Таня показала мне картинку на экране смартфона, и я снова сложилась в три погибели.

Через двадцать минут я все же связалась с Альбертом Венедиктовичем, который, казалось, только этого и ждал. Как только услышал, что я собираюсь к нему на прием, назначил мне встречу в нерабочее время, лишь бы я оказалась у него как можно скорее.

– Вот! Видишь? Он заботится о твоём здоровье! – сказала Люда и мы отправились собирать меня на осмотр к Поклонскому.

На этот раз профессор принял меня лично, безо всяких ассистенток. Сначала усадил напротив себя и начал задавать

общие вопросы, включая информацию о моей половой жизни.

– Как давно у вас был последний половой партнер? – спросил он и посмотрел на меня так, как будто был священником, которому я исповедовалась.

– Чуть более полугода назад, – прямо ответила я.

– Вот как?

– Да. А что, с этим есть какие-то проблемы?

– Никаких проблем. Это просто вопрос. Вас сейчас что-то беспокоит, Дарья?

Я посмотрела на профессора, не зная, говорить ли ему о сделанных тестах. Если у меня гормональный сбой, то он это выяснит и так. Но чертенок, сидевший во мне, заставил произнести:

– Меня кое-что беспокоит. Мне кажется, что я беременна, профессор.

Ни один мускул не дрогнул на лице Поклонского! А ведь я только что сообщила ему, что считаю себя беременной, хотя больше полугода ни с кем не спала!

– Вам кажется, что вы беременны, – повторил за мной Альберт Венедиктович. – Что навело вас на эти мысли?

– Несколько положительных тестов на беременность.

– Вот как...

– Да. Что вы об этом думаете, профессор?

– Что нам пора приступить к осмотру!

Было похоже на то, что Альберт Венедиктович прямо сей-

час получил что-то, к чему стремился всю свою жизнь. Может он с каждой клиенткой такой? Мне это не понравилось, даже какие-то нотки ревности появились. Но я встала, разделась и устроилась на кресле. Конечно, испытала стеснение, но разве шло оно в сравнение с тем беспокойством, которое мне доставлял мой гормональный сбой?

Пока Альберт Венедиктович меня осматривал (всегда удивлялась тому, почему мужчины делали это гораздо осторожнее женщин?), я лежала с закрытыми глазами. Так было легче смириться с тем, что профессор прямо сейчас изучает меня в подробностях. А когда он закончил, снял перчатки и дал знак, что я могу вставать с кресла, меня ожидало самое настоящее потрясение.

– Вы действительно беременны, Дарья, – сказал Поклонский, когда я оделась и уже было села на свое место.

Чтооооо?

– Это шутка, Альберт Венедиктович? – нахмурилась я.

– Не шутка. Вы беременны.

Очень смешно! Обхохочешься!

Я все же присела на стул и посмотрела на профессора с сомнением. Может, у него забава такая – разыгрывать пациенток?

– Я не могу быть беременна, и вы это прекрасно знаете! – воскликнула я, когда пауза затянулась, а Поклонский все еще смотрел на меня совершенно серьезно.

– Теоретически не можете. Но это свершившийся факт.

Видите ли... вы же были в этой клинике на осмотре?

Мне стало нехорошо, но я понять не могла, к чему клонит профессор.

– Была. Вы тогда меня не приняли лично, хотя и обещали.

– Да. Зато Серафима Петровна... спутала вас с другой пациенткой.

– Спутала? Как это возможно?

Поклонский вздохнул, снял очки и протер их краем халата. Выглядел при этом так, как будто собирался сказать мне что-то очень важное, но ему приходилось подбирать слова.

– Ко мне на эхо должна была прийти Дарина Иванова. А пришли вы.

– Но вы сами назначили мне это время! – возмутилась я.

Кое-что начало проясняться, но мне совершенно не нравилось то, что я понимала! Эхо, другая женщина, перепутанное время приема... мне что, подсадили эмбрион незнакомки? Великий Парацельс!

– Я назначил, вы правы. И я виноват в том, что все это случилось.

– Да что – это? Вы мне можете уже объяснить?

Я даже вскочила с места и устремила на Поклонского взгляд, полный ужаса.

– В тот день была совершена врачебная ошибка.

– Мне подсадили чужой эмбрион? – снова вскричала я, ощущая, что попала в самый настоящий кошмар.

Что же теперь делать, боже мой? Аборт? Это первое, что

просилось на ум! Ведь что меня ждет в ином случае? Во-первых, мне нужно будет брать академический отпуск. Во-вторых, рожать чужого ребенка! И что с ним потом делать? Отдавать его в настоящую семью? Господи, за что ты со мной так?

– Не совсем, – кашлянул профессор, когда я уже приготовилась упасть в обморок.

– Что значит – не совсем? – выдавила я из себя.

– Присядьте, Дарья, – попросил Альберт Венедиктович, и я потерянно опустилась на стул. – Вы действительно беременны, но вам не подсаживали чужой эмбрион. Серафима Петровна ошиблась и взяла в лаборатории не тот биоматериал.

Еще не легче! Что же мне тогда подсадили? У меня даже предположений не было на этот счет!

– Альберт Венедиктович, если вы прямо сейчас не расскажете мне все, вам придется вспоминать основы оказания первой помощи, – пискнула я, озвучивая свое настоящее состояние.

– Вам плохо? – встрепенулся профессор.

Нет, мне прямо очень хорошо!

– Говорите уже! – взмолилась я.

– Вам ввели мои половые клетки.

Чтооооо?

Я прикрыла глаза. Мозг думать отказывался. Остальные части тела тоже были близки к тому, чтобы перестать быть

со мной в ладу.

– Мне ввели ваши клетки? Вашу, не побоюсь этого слова, сперму?

– Да. Искусственная инсеминация, вам знаком этот термин?

Еще бы он мне был незнаком!

– Почему ваша сперма хранится в лаборатории клиники?

– Потому что я завещал ее для науки.

Я посмотрела на Альберта Венедиктовича так, как будто он сбрендил. Хотя, и сама была примерно в том же самом состоянии. Может, это взаправду розыгрыш? Как бы мне хотелось в это верить...

– Вероятность забеременеть при таком способе оплодотворения – один к пяти, – прошептала я.

– И мы с вами попали в тот самый шанс.

Мы с вами. Мы с вами! Он так и сказал!

Господи, я была беременна... от Поклонского? Совсем не так я это себе представляла, что и говорить.

– И что мне теперь делать?

– Очевидно, рожать. Видите ли... вам нельзя делать аборт. Это я вам как кандидат медицинских наук говорю. Огромен риск возникновения бесплодия.

Профессор при этом выглядел так, как будто каждый день сообщал женщинам, что они случайно от него залетели и не рожать им ну никак нельзя. Я же сидела ни жива, ни мертва и не представляла, что предпринять.

– А что вы сами об этом думаете? – едва выдавила из себя минутой позже.

– Думаю, что этот ребенок должен появиться на свет. Я буду вам во всем помогать, Дарья. Буду вести эту беременность, сделаю все, от меня зависящее, чтобы оберегать вас от всех возможных неприятностей.

– Но я ведь учусь!

– Возьмете академический отпуск. Или можете перевестись на заочное... в ветеринарный.

В ветеринарный? Ну спасибо!

– Нет уж! Я предпочту получить то образование, какое и хотела получить всегда!

– Мне кажется, вам сейчас необходимо немного успокоиться и прийти в себя, – предложил профессор.

А вот это было правильное решение. Я поднялась со стула, в голове зашумело. Схватила сумку и, покачнувшись, пошла к выходу.

– Дарья, давайте я довезу вас до дома! – бросился ко мне Альберт Венедиктович, когда я уже доковыляла до выхода из кабинета.

– Нет! Я доберусь сама! – решительно отказалась я от помощи Поклонского. И, оказавшись в коридоре, почти бегом помчалась вон из этой клиники.

Мне предстояло подумать об очень многих вещах и принять то решение, которое в сложившихся обстоятельствах

было единственно правильным.

Если оно имелось, конечно...

– Вот такие дела, шлюшка Молли, – заключил я, медленно поглаживая кошку по короткой шерстке.

Молли слушала внимательно, кисточки на ее ушах подрагивали, выдавая крайнюю заинтересованность в моем рассказе. А мне просто очень нужно было выговориться кому-то, поведав обо всем том, во что я вляпался. И кроме кошки слушать меня было больше некому.

Похоже, идея обзавестись женой была не так уж и плоха. А уж жена-репродуктолог – это же вообще почти мечта!

У меня и кандидатка отличная имелась. Лена, сама того не ведая, подала мне эту идею. Она сказала, что Иванова по мне сохнет – и план действий быстро сложился в моей голове. Он был идеальным во всем, кроме того, что построен на лжи.

Но выбора у меня не было. Скажи я Ивановой правду – это могло бы стать не только нашим секретом. А если кто-то еще, кроме меня узнает, что я вырастил клона, которого подсадили в матку пациентки – моей карьере конец. И не только карьере, а вообще жизни. Потому что за это светил реальный срок. И так рисковать я попросту не мог, доверяя эту тайну девушке, которую совсем не знал.

И вместе с тем мне, как ученому, было интересно посмотреть, к чему приведет подобный невольный эксперимент. Это был научный азарт, с которым очень сложно бороться.

Этот клон мог меня погубить, но искушение сохранить его было чертовски сильным.

Тем более, что аборт Ивановой был противопоказан. В этом я не солгал ей ни разу. Если она хотела иметь детей в дальнейшем, этого... скажем так, ребенка, ей лучше было выносить.

А что, если в этот самый момент она уже избавлялась от него? Что, если пошла к другому врачу и решила сделать аборт? От этой мысли я похолодел. Нет, ни в коем случае нельзя оставлять эту девицу без присмотра!

Я вскочил на ноги и по неосторожности едва не наступил на потомство шлюшки Молли. Котята рыжеватого окраса копошились на ковре, один из них упрямо пытался залезть на диван, чтобы добраться к матери. Также, как и сама Молли, они явно были породистыми. Знакомый ветеринар сказал мне, что и мать, и котята относятся к редкой породе чаузи. И откуда только столь дорогушая кошка могла прибиться к моему дому? Может, сбежала от хозяина-садиста?

Подняв котят на диван, я смотрел, как они льнут к матери. Разлучить это кошачье семейство у меня пока духу не хватило. Но скоро что-то нужно будет все же делать с этим наследством, если я не хочу превратить свой дом в кошачье царство.

– Надо срочно бежать, – сообщил я шлюшке Молли и та, посмотрев на меня умными глазами, выразительно повела длинными ушами в сторону двери. Послала далеко и надол-

го, не иначе.

Нужный адрес у меня имелся – добыл на всякий случай, когда заварилась вся эта история. Которая, с какой стороны ни посмотри, грозила мне множественными неприятностями. Скоро наверняка поползут слухи, что я оказываю своей студентке чрезмерное внимание. Это выльется в скандал, разбор полетов в деканате и прочие малоприятные вещи. Которые, впрочем, куда менее страшны, чем то, что мне грозило за эксперименты над пациентами. И ведь не докажешь, что эта ошибка случилась непреднамеренно!

Поморщившись от всех этих мыслей, я затормозил у дома Ивановой. До зуда в пальцах хотелось увидеть ее сейчас и убедиться, что девчонка не натворила каких-нибудь глупостей!

Поднявшись на нужный этаж, я позвонил в дверь. И немного растерялся, когда мне открыл высокий мужчина средних лет.

Хотя чему было удивляться! Это ведь наверняка отец Ивановой, тот самый беспокойный вирусолог. Хотя, я бы сказал – бдящий вирусолог! И правильно, кто еще позаботится о здоровье дочери, как не отец-медик?

– Добрый вечер, – поздоровался я, инстинктивно поправив шарф. – Мне нужна Дарья Иванова.

– Даши нет, – ответил мужчина, с подозрением на меня посмотрев.

Я мгновенно встревожился. А вдруг и правда уехала делать аборт в какой-нибудь мутной подпольной клинике?!

– А где она? – потребовал я ответа.

– А вы, простите, кто? – отреагировал закономерно мужчина.

– Профессор Поклонский. Альберт Венедиктович, – представился я и протянул руку для приветствия.

– Ох ты ж! – откликнулся тот и, вытерев руки о забавный фартук с помидорками, протянул ладонь в ответ:

– Виктор Сергеевич. Папа Даши.

– Очень приятно, – ответил я и посмотрел на него выжидательно, желая получить ответ на свой вопрос.

Но Виктор Сергеевич понял все по-своему.

– Да вы проходите-проходите! Я тут суп дочке готовлю, – объяснил он мне свой домашний наряд. – У нее в последнее время такой аппетит плохой...

– А где она все-таки? – снова поинтересовался я тем, что меня волновало.

– Да с подругами где-то опять, – отмахнулся Виктор Сергеевич. И тут его вдруг осенило:

– А вы к нам по какому вопросу? Что-то с учебой ее? Или здоровьем? – мгновенно встревожился отец Ивановой.

– Нет-нет, – успокоил его я. – Я просто... навещаю своих студентов. Для сближения и улучшения понимания, так сказать.

О том, что уже сблизился с его дочерью так, что теперь она

теперь беременна, я говорить не стал. Пусть пока поживет в блаженном неведении.

– Вы садитесь за стол, – предложил Виктор Сергеевич. – Я Даше позвоню...

– Не надо, – прервал я его. – В принципе, я уже все увидел...

Угу, самое главное я увидел точно – Ивановой с моим клоном внутри тут нет. Но от Виктора Сергеевича уйти было не так-то просто.

И я глазом не успел моргнуть, как обнаружил себя выпивающим коньяк и спорящим с Витей на извечные медицинские темы.

– Нееет, Алик, ты пойми! – говорил Витя, размахивая перед моим носом куском вонючего (явно французского) сыра. – Вот все эти ваши эко – это противоестественно! Это против природы!

Ха, эти наши эко! Я тут еще и не такое вырастил! Но об этом благоразумно умолчал.

– Не прав ты, Витя! – возразил я. – Эко делает счастливыми многих женщин! Оно позволяет им реализовать свой материнский инстинкт! Позволить женщине страдать от бесплодия – вот что настоящее преступление!

Витя уже открыл было рот, чтобы что-то возразить, но тут дверь в квартиру распахнулась и на кухне появилась моя Иванова собственной персоной.

Я быстро ее оглядел – лицо усталое и напряженное. Непо-

хоже было, чтобы она сотворила то, чего я так боялся.

– Профессор, – выдохнула она удивленно и, оглядев следы нашей легкой попойки на столе, спросила:

– Что тут происходит?

То ли коньяк мне ударил в голову, то ли кой-чего похуже, но я, растянув губы в блаженной улыбке, выдал:

– Знакомлюсь с потенциальным родственником, любовь моя!

– Чтоооооо?! – взревел Витя, вскакивая с места. Все его благодущие как ветром сдуло.

– Витя, вынужден тебе признаться, – я откинулся на спинку стула и, переведя взгляд с отца на дочь и обратно, выпалил:

– Я от дочки твоей без ума!

– Абааалдеееееть! – вскричала Таня и у нее даже мороженое с ложки, так и не донесенной до рта, капнуло на джинсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.